

Обдумывая события, которые только что произошли в дверях его кабинета, Матис двигался автоматически. В течение 10 минут после того, как медведи вошли в его ядро, он очистил нож и оставил его в сушилке, подметая и вытирая следы, которые шли по всему деревянному полу, и переставляя мебель, которая была отброшена в сторону из-за того, что находилась на пути медведей. Он даже не отдавал себе отчета в том, что делает, пока наконец не смирился с тем, что произошло в той комнате. Так уж случилось, что он пытался поправить стол, который был опрокинут на бок, хотя он прекратил попытки, как только снова обрел ясную голову. В конце концов, у стола были сломаны две ножки, что делало его почти невозможным. Оглядевшись, он увидел, что вся мебель, которую он пытался привести в порядок, пока был в оцепенении, упала обратно, сломанная каким-то образом или формой.

Когда к нему вернулась ясность, он вспомнил, в каком состоянии находился один из медвежат. Вспомнив об этом, он натянул ботинки и вышел в гараж, где они жили отдельно друг от друга. Они превратили здание в рабочее пространство для любых животных, которых публика приводила к ним посмотреть, или диких животных, которые требовали более обширной работы, которая не могла быть выполнена без дезинфицированной рабочей зоны. Оно также считалась наиболее хорошо освещенной доступной областью, за исключением наружного пространства. За несколько лет до этого они заменили крышу, чтобы сделать ее массивным окном, позволяющим солнцу проникать внутрь, а их пациентам - смотреть наружу. Из-за этого они оба очень экономили на счетах за электричество, а также их пациенты стали намного спокойнее. Преимущества экономии на электричестве были вторичны для семьи, так как комфорт их пациентов облегчал весь процесс. Особенно если это животное не привыкло к людям и не боится их. Заставить их успокоиться во время экзамена стоило им любой цены. Это было бы плохо для животного, чтобы повредить себе дальше, в то время как они пытались помочь ему и лечить первоначальную проблему в конце концов.

С помощью матери-медведицы он скопировал все, что мог, на своем пути. От грязи и травы, которая была вокруг, до каждого предмета медицинского снаряжения, которое у них было. Ну, почти каждый кусочек. Все, что требовало электричества, он оставлял в покое, не веря, что это может быть полезно. В конце концов, что хорошего в свете, который никогда не включится? Или дрель, которая никогда не будет вращаться сама по себе. К счастью, у большинства вещей, которые ему были нужны, были аналоги ручного инструмента, хотя некоторые из них были менее точными или очень подверженными поломке. Хотя с его ядром теперь доступным и имеющим связанного партнера-животного, чтобы помочь дублировать предметы, это беспокойство стало недействительным. Убедившись, что все, что ему может понадобиться в мастерской, продублировано, он попросил медвежонка со сломанной ногой выйти.

Как только он это сделал, и медвежонок, и его мать вышли из его ядра, с детенышем, выходящим на стол, и матерью рядом с ним. Казалось, что пока они были связаны, она еще не полностью доверяла ему в присутствии своих детей. Он чувствовал, что это вполне понятно, учитывая, что они только что встретились. У них не было времени на то, чтобы наладить

отношения, как у Ширы с его женой, но на это требовалось время. Его действия скажут и ей, и ее детенышам, можно ли ему доверять, и поэтому он устно объяснил все, что делал, проводя осмотр. Он не был уверен, понимает ли медведица то, что он говорит, но она, по крайней мере, поняла смысл его слов. Он медленно осмотрел детеныша, чтобы убедиться, что больше ничего не случилось, прежде чем приступить к ноге. Он внимательно следил за реакцией детеныша и его матерей, когда начал ощупывать поврежденную конечность. Он был рад, когда она не набрасывалась на него, когда ее детеныш начинал хныкать, когда на него давили в определенных местах. Тем не менее, у нее был нервный тик, который, казалось, по крайней мере, думал об этом, что заставило Матиса сохранять осторожность, а также продолжать описывать вещи в целом. Наконец он добрался до того места, которое заставило детеныша завизжать.

Медведица-мать встала на задние лапы и посмотрела на Матиса, гадая, что он сделал с ее детенышем. - «Ого, я еще ничего не сделал. Я только обнаружил проблему и теперь думаю о том, что мне, возможно, нужно сделать, чтобы решить ее», - объяснил он, подняв руки в попытке успокоить большого гризли. Она медленно опустилась обратно на землю, прежде чем подойти поближе, чтобы посмотреть. Увидев это, Матис вернулся и показал ей: «Видишь эту штуку, торчащую из его ноги? Это большой кусок сланца, который, казалось, вошел в ногу, когда она была сломана. Что заставляет меня предположить, что он сломал ее в то же самое время, когда упал на камень. Лучшее, что я мог бы сделать прямо сейчас, - это удалить его, что потребовало бы от меня вырезать его, поскольку кожа вокруг него уже начала заживать. Я могу дать ему успокоительное, но после него, он проспит еще какое-то время. Если его оставить там, это может вызвать осложнения в будущем».

Он объяснил, как мог, не зная, как отреагирует мать. Черт, он даже не знал, поймет ли она хоть что-нибудь из того, что он только что сказал. Тем не менее, смысл того, что он говорил, казалось, просвечивал сквозь него. Она медленно обошла стол с другой стороны, прежде чем легонько положить одну из своих лап на детеныша, чтобы удержать его на месте. Приняв это за знак идти вперед, он быстро приготовил успокоительное. Двигаясь медленно, он ввел его детенышу и начал отсчет от десяти. К тому времени, как он пробил четыре, от детеныша послышался легкий храп. Когда мать сняла лапу со своего теперь уже спящего детеныша, Матис принялась за работу, извлекая камень, который был встроен в конечность. Все это время он находился под постоянным наблюдением большой медведицы рядом с ним.